

Араева Л. А., Проскурина А. В.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА В ДИАЛЕКТНЫХ ЗОНАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 15-17. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА В ДИАЛЕКТНЫХ ЗОНАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Араева Л. А., Проскурина А. В.
Кемеровский государственный университет*

В рамках современной лингвистики особую актуальность получает изучение знаковой природы языка через выполняемые им функции по отношению к культуре и сознанию человека. Языковая система, будучи наиболее динамичным и глобальным семиотическим образованием, аккумулирует и транслирует культурную, осмысленную познающим субъектом информацию, источником которой служит многообразие бытия. Категоризуя, систематизируя мир, придавая ему смысловую завершенность, язык «снабжает членов коллектива интуитивным чувством структурности, именно он своей очевидной системностью, своим преображением “открытого” мира реалий в “закрытый” мир имён заставляет людей трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых не является очевидной» [Лотман 2001: 487]. Посредством языкового кодирования, аксиологического по своей сути, мир «подвергается семиотизации - разделяется на области объектов, нечто означающих, символизирующих, т. е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [Там же: 216]; «наделяется смыслом и ценностной отмеченностью» [Пелипенко 1998: 8]. Приобретаемая объектами смысловая наполненность обеспечивает их включение в комплекс взаимосвязанных культурно значимых ситуаций, принадлежащих сосуществующим сферам культуры. Следовательно, языковые знаки классифицируются в нашем сознании в те же группы, что и обозначаемые ими культурные реалии: «Ум, чтобы сплотить всю массу разнородных слов в одно стройное целое, располагает связями слов двух порядков: порядка сосуществования (сходство) и порядка последовательности (смежность)» [Крушевский 1998: 146].

Объединение языковых знаков в различного рода группы в системе языка становится возможным за счёт того, что «на словесное “изобразительное полотно” накладывается сеть языковых смыслов, придающих ему неоднородность и глубину» [Шведова 2005: 440]. Зародившись в актах культурно-познавательной деятельности человека, смысл приобретает статус «языковой категории, стоящей на высшей ступени абстракции по отношению к любому языковому значению» [Там же: 435], расчленяющему его на зоны различной устойчивости. Ещё Л. С. Выготский в связи с решением вопроса об отношении мысли к слову указывал на смысл как «динамическое, текучее, сложное образование» и на значение как его «наиболее устойчивую, унифицированную и точную зону» [Выготский 1982: 346]. Однако вслед за Н. Ю. Шведовой необходимо признать одновременную стабильность, консервативность смысла, если учитывать, что «строй смыслов, понятийно скрепляющих всю языковую систему, существует исконно и не меняется ни под влиянием социальных перемен, ни в результате изменений в значениях слов» [Шведова 2005: 436]. Можно допустить, что, с одной стороны, сам набор смыслов, связанных языковыми средствами (в концепции Н. Ю. Шведовой местоимениями) в систему, постоянен, устойчив («где - место», «кто - существо одушевлённое», «когда - время», «сколько - количество», «бытие - небытие»), но с другой - эти смыслы находятся в отношениях взаимодействия, контаминации, взаимной зависимости: «это не просто соположение, а отношение порождающего и порождаемого» [Там же: 430]; «смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, п. ч. предшествующие содержатся в последующем или его модифицируют» [Выготский 1982: 349]. Становится очевидным, что язык выполняет одну из основных своих функций - выражает связанность, сочленённость всего существующего в мире, на что в свое время указывал В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 2001], - посредством заключённого в собственном пространстве смыслопорождающего потенциала, реализующегося через устремлённость смыслов отразить динамику, ход поэтапно развивающихся событий. Поэтому нельзя не согласиться с определением смысла, данным Г. П. Щедровицким: «смысл - общая соотнесённость и связь всех относящихся к ситуации явлений» [Щедровицкий 1974: 96], который получает объективацию с помощью разноуровневых языковых единиц.

В репертуар средств выражения языковых смыслов необходимо включить ресурсы словообразования, занимающего межуровневое положение в языковой системе. Результативная связь словообразовательного уровня с другими языковыми уровнями (лексическим, морфологическим, синтаксическим) позволяет вскрыть и описать смысловой строй языка, спаянный из значений лексических, грамматических и словообразовательных, пропозициональных по своей сути. В границах словообразовательных единиц (в т. ч. и словообразовательного типа), представляющих модели типизированных отношений человека и мира, происходят процессы порождения смыслов, их взаимодействия, протекающие в разных направлениях и формирующие не изолированные друг от друга смысловые пространства.

В словообразовательном типе «С+-ИН(а)» (далее - СТ «С+-ИН(а)»), изучаемом в аспекте функционирования в русских говорах, на уровне его мотивирующего пространства можно выявить набор языковых смыслов, получающих реальное воплощение через мотивирующие единицы: «объект», «место», «время», «результат», «средство». Каждый из перечисленных смыслов обладает способностью порождать, прогнозировать иные смыслы, образуя смысловые пространства. Очевидно, что мотиваторы как носители, актуализаторы смыслового потенциала оказываются заряженными «всегдашней способностью к бесконечному разви-

тию», «бесконечной смысловой валентностью» [Лосев 1977: 6]. Это обуславливает установление исходными мотиваторами, объединёнными общим смыслом, мотивационных отношений с дериватами, материализующими связанные с ними смыслы, что находит реализацию в комплексе словообразовательно-пропозициональных значений (СПЗ). Набор СПЗ в пределах каждого типа специфичен, что определяется функциональной семантикой форманта. На уровне лексем в пределах одного и того же типа в разных диалектных зонах наблюдается достаточно специфичная для каждой диалектной зоны картина. Так, *смысл «средство»*, объективированный дериватами СПЗ «артефакт - средство по объекту назначения», «артефакт - средство по функционально значимому месту», «артефакт - средство по функционально значимому результату», «артефакт - средство, сходное по функции с другим объектом», в разных диалектных зонах реализуется достаточно своеобразно: в севернорусских говорах - *смыслами «объект»* (несёт идею объекта, предназначенного для чего-то), «место» (идея функционально значимого использования места), «результат» (идея получения функционально значимого результата) (*поскотина* (Яросл.), *щанина* (Яросл.), *лопатина* (Волог.)); в южнорусских говорах - *смыслами «объект»* (идея объекта, предназначенного для чего-то), «результат» (идея получения функционально значимого результата) (*кваснина* (Смол.), *балахонина* (Ворон.)); в уральских говорах - *смыслами «объект»* (идея объекта, предназначенного для чего-то), «результат» (идея получения функционально значимого результата) и «объект» (идея сходства объекта с каким-либо средством по функции) (*оплотина* (Ср. Урал.), *становина* (Перм., Ср. Урал.), *корчажина* (Перм.)); в среднерусских говорах - *смыслами «объект»* (идея объекта, предназначенного для чего-то), «результат» (идея получения функционально значимого результата) (*дровина* (Подмоск.), *понитчина* (Подмоск.)); в среднесибирских говорах - *смыслами «объект»* (идея объекта, предназначенного для чего-то), «объект» (идея сходства объекта с каким-либо средством) (*копёнина* (Среднеоб.), *горловина* (Среднеоб.)); в западносибирских говорах - *смыслами «объект»* (идея объекта, предназначенного для чего-то), «результат» (идея получения функционально значимого результата), «место» (идея функционально значимого использования места) (*братина* (Сиб.), *азямина* (Алт., Сиб.), *боковина* (Нвсб.)); в восточносибирских говорах - *смыслами «объект»* (идея объекта, предназначенного для чего-то), «результат» (идея получения функционально значимого результата), «место» (идея функционально значимого использования места) и «объект» (идея сходства объекта с каким-либо средством по функции) (*кобылина* (Прибайк.), *становина* (Краснояр., Нвсб., Приамур.), *ергачина* (Забайк.), *рогалина* (Приамур.)).

Реализуясь в мотиваторах, исходные *смыслы «объект», «место», «результат», «объект»* (в ситуации сравнения) при порождении смыслового пространства «средство» очерчивают масштаб представления средства путём включения его в определённые системы отношений с иными компонентами как участниками культурно значимых ситуаций. Например, *смысл «средство»*, представленный в аспекте *смысла «объект»*, провоцирует участие средства в комплексе культурно значимых ситуаций, обнаруживающих потенциальные связи друг с другом: в севернорусских говорах - испитие напитков (*братина - кружка, бокал для питья* (Пск.)), носка одежды (*казачина - тёплый, покрытый сукном кафтан* (Карел., Яросл.)), уход за животными (*поскотина - изгородь* (Яросл.)), изготовление предметов быта (*кулёвина - большой мешок из рогожи* (Карел.)), работа с сеном (*остожина - палка, служащая подпором для стога* (Карел.)); в южнорусских говорах - приготовление напитков (*киселёвина - мука для приготовления киселя* (Смол.)), хранение напитков (*кваснина - посуда для хранения кваса* (Смол.)), испитие напитков (*братина - сосуд* (Курск., Саратов.)), изготовление приспособлений (*колосовина - ряд жердей, на которые укладывают снопы* (Смол.)), изготовление предметов быта (*печина - сорт глины для обмазывания печей* (Орл.)), владение имуществом (*бабина - имущество* (Калуж.)); в уральских говорах - приготовление напитков (*бражина - раствор, смесь для браги* (Урал.)), изготовление приспособлений, построек, предметов быта (*поскотина - изгородь для защиты полей от скота* (Ср. Урал.)), использование пастбища (*поскотина - пастбище, выгон* (Ср. Урал.)), владение имуществом (*вотчина* (Ср. Урал.)); в среднерусских говорах - хранение напитков (*бражина - кувшин, кадочка для хранения браги* (Мордов.)), употребление пищи (*братина - блюдо, из которого едят* (Влад.)), шитьё одежды (*гольятнина - разрез у детских штанов* (Мордов.)), хранение икон (*божничина - полка для икон, киот* (Пск.)), разделка дров (*дровина - бревно для разделки на дрова* (Подмоск.)), владение имуществом, хозяйством (*дедина - участок земли* (Пск.)); в среднесибирских говорах - перевозка сена (*копёнина - верёвка, с помощью которой перевозятся копна сена* (Среднеоб.)); в западносибирских говорах - приготовление пищи (*братина - большой ковш для разливания пищи* (Сиб.)), изготовление изделий быта (*клёпина - дерево, идущее на изготовление клёпок* (Нвсб.)), перевозка сена (*копёнина* (Сиб.)), владение хозяйством (*вотчина* (Тобол.)); в восточносибирских говорах - уход за животными (*кобылина - приспособление для ковки лошадей* (Прибайк.)), ловля рыбы (*сиговина - сеть, предназначенная для ловли рыбы* (Забайк.)), разделка дров (*дровина - бревно, предназначенное для разделки на дрова* (Краснояр.)), изготовление приспособлений (*заплотина - бревно для постройки изгороди* (Краснояр.)), защита от природных явлений (*ветрина - приспособление* (Приамур.)), изготовление предметов быта (*клёпина - дерево* (Иркут.)). Посуда, продукты, предметы быта, приспособления, имущество, выступая в роли средства в указанных нами ситуациях, как общих для большинства систем говоров, так и индивидуально представленных в них, ассоциируются с иными реалиями, в результате чего иерархически выстраивается сеть культурно значимых смыслов (актуализованных и потенциальных) в их каузально-динамической обусловленности. Смысл «средство» через его словообразовательно-пропозициональную репрезентацию оказывается одновременно производным и производящим по отношению к другим смыслам. Общая для ряда СПЗ ситуация приготовления кушанья получает смысловое

оформление, отражающее этапы её развёртывания в культурно укоренённой практической деятельности человека: в южнорусских говорах кушанье, играя роль объекта (на языковом уровне ему соответствует смысл «объект»), нуждается в средстве приготовления (смысл «средство») (*киселёвина - мука для приготовления киселя (Смол.)*); использование средства направлено на получение конкретного результата - кушанья, поэтому во всех системах русских говоров обнаруживается смысловая зависимость результата от средства (*маканина (с/р), желудятина (ю/р), кислина (ср/р), горошина (урал.), гороховина (ср/об), горошина (з/с), кукульнина (в/с)*); в севернорусских говорах в ситуации приготовления вычленяется место, в котором осуществляется действие со средством, т. е. в смысловое пространство «средство» включается смысл «место», его задающий (*щанина - кушанье по посуде приготовления (Яросл.)*); также в севернорусских, среднерусских говорах актуализируется смысл «место» по отношению к смыслу «объект», несущему идею необходимости получения объекта, в частности, путём его выращивания в специально отведённом месте (*гороховина (с/р), ржанина (ср/р)*).

Анализ процесса смыслогенеза в одном из возможных его направлений (в аспекте порождения смыслового пространства «средство») в границах СТ «С+ИН(а)» выявил, что языковые смыслы, находясь в отношениях метонимической зависимости и обладая прогностическим потенциалом, специфично представляют наиболее значимые сферы культурного бытия человека. Данные сферы особым образом реализованы в каждом из словообразовательных типов, то есть типы как бы «набрасывают» формально-семантическую сеть на реализацию смыслов, одни из которых являются ядерными в границах типа, другие - находятся на периферии. Такие ментальные структуры знания, как пропозиции, единые для человечества, оказываются в плену конкретного языка, облекаясь в определенную грамматическую форму, которая на протяжении столетий специализируется на репрезентации дериватов, в основе которых находятся пропозиции, характерные для данного типа. Размытость формально-семантических границ типов приводит к появлению тождественных для ряда типов лексико-словообразовательных значений, актуализирующихся в пределах идентичных пропозиций. В свою очередь, наполнение этих ЛСЗ дериватами может существенно различаться при наличии однокоренных единиц. Такого же рода явления наблюдаются и при реализации одного и того же типа в разных диалектных зонах, что обусловлено особенностью бытия жителей, проживающих в них. Пропозиционально-семантическая картина типов подобна мозаике, смысловая (пропозиционально-семантическая) гамма которой очерчена функциональной (актантно-смысловой) семантикой формантов и мотивирующих, типизированный характер связи которых устойчиво сохраняется в долговременной памяти говорящего на уровне бессознательного, позволяя каждый раз мгновенно создавать новые смыслы по уже сложившимся структурам связи.

Список использованной литературы

1. **Выготский Л. С.** Собрание сочинений: В 6 Т. / Л. С. Выготский. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 2. - 504 с.
2. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 2001. - 400 с.
3. **Крушевский Н. В.** Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский. - М.: Наследие. - 296 с.
4. **Лосев А. Ф.** О бесконечной смысловой валентности языкового знака / А. Ф. Лосев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. - 1977. - Т. 36. - № 1. - С. 3-8.
5. **Логман М. Ю.** Семiosфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. - СПб., 2000.
6. **Пелипенко А. А.** Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. - М., 1998. - 376 с.
7. **Щедровицкий Г. П.** Смысл и значение / Г. П. Щедровицкий // Проблемы семантики. - М.: Наука, 1974. - С. 76-111.
8. **Шведова Н. Ю.** Русский язык: избранные работы / Н. Ю. Шведова. - М.: Языки славянской культуры, 2005. - 640 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Баканова Ю. В.

Челябинский государственный университет

В настоящее время определение стратегических направлений развития систем образования вообще и высшего образования в частности волнует практически все мировое сообщество. Ключевыми понятиями педагогики XXI века становятся мобильность, самостоятельность, развитие.

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации, определяющей государственную политику в сфере образования на период до 2025 года, среди основных целей образования выделяются: разностороннее и своевременное развитие детей и молодежи, их творческих способностей, формирование навыков самообразования, самореализации личности; создание программ, реализующих информационные технологии в образовании и развитие открытого образования; подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий.

Чем же обусловлены вышеозначенные приоритеты? Прежде всего, требованиями, предъявляемыми обществом к современному специалисту. Выпускник высшего образовательного учреждения, который будет